

«Чунцинская модель»: что это было?*

Часть 2

© 2013

А. Карнеев

Во второй части статьи (первая опубликована в №3 ПДВ за 2013 г.) автор продолжает искать ответы на ряд вопросов, связанных с необходимостью объективной оценки т.н. «чунцинской модели».

Ключевые слова: «чунцинская модель», Бо Силай, «новые левые», коррупция, идейно-политическая борьба в КНР.

Разобраться в сущности «чунцинской модели» непросто без понимания той особой общественно-политической атмосферы, которая существовала в стране в эпоху четвертого поколения руководителей, или, как иногда говорят, в эпоху «Ху и Вэня» (2002–2012). Сейчас принято обсуждать, была ли эпоха Ху Цзинтао и Вэнь Цзябао «потерянным» десятилетием. У каждой из сторон, отстаивающих противоположные выводы, есть веские аргументы в свою пользу. Такой дискуссии нет за пределами Китая, где наблюдателей завораживает безостановочный ход китайского экономического локомотива, уже доставивший страну на «предпоследнюю станцию» пути к глобальному доминированию. Пожалуй, наиболее интересным феноменом этого периода было растущее признание властью и обществом полифонии различных точек зрения на все основные проблемы социально-политического развития страны.

Надо сказать, что определенная степень плюрастичности существовала и в эпоху Цзян Цзэминя, однако рождение такого феномена, как доступная миллионам читателей открытая идейная полемика между представителями различных течений общественной мысли, критика тех или иных мероприятий правительства, полемические суждения по вопросам внутренней и внешней политики, обмен колкостями, а зачастую и прямыми оскорблениями между различными информационными изданиями и их ведущими авторами — это порождение начала нулевых годов, когда указание Дэн Сяопина *бу чжэнлунь* («не дискутировать») просто перестало соблюдаться явочным порядком.

Парадоксально, но факт: об ушедшем в прошлое достославном времени, когда в проведении «реформ и открытости» не позволялось иметь никаких отклоняющихся мнений, жалеют в Китае люди, относящиеся к лагерю «либералов» и «западников». Например, в недавнем весьма откровенном интервью журналу «Китайский предприниматель» один из ведущих представителей лагеря либералов проф. У Цзинлянь (его журналисты называют «совестью» китайской экономической науки) отмечал: «раньше... такие вещи как рыночные реформы, власть закона, демократизация... считались главным направлением реформ.

Карнеев Андрей Ниязович, кандидат исторических наук, заместитель директора ИСАА при МГУ. Тел.: 8 (916) 651-93-75.

* Окончание. Начало см. в ПДВ №3, 2013 г.

Однако уже в XXI веке появились люди, которые и раньше пытались где-то в дальнем углу подавать голос, писали какие-то петиции, [но никто на них не обращал внимания]; в этот же период они стали довольно заметной силой, оформив свои взгляды в выступления программного типа. Кроме того, появились яркие представители [во власти] типа Бо Силая, появилось течение сторонников «китайской модели». В сфере практических шагов переломным моментом после 2006 г. стало опубликование документа о Комитете по управлению государственным имуществом, и тут уже ситуация стала развиваться в другую сторону»¹. Возможно, не все либералы занимают такую позицию, поэтому представлять их оппонентами свободы слова было бы совершенно неправильно. Да и психологически либеральный лагерь понять можно, так как в нулевые годы их положение усложнилось появлением нескольких других влиятельных течений общественной мысли, пытающихся громко заявить о себе и повлиять на процесс принятия решений руководством страны.

В рамки данной статьи не входит задача анализировать всю палитру современных идейных течений в КНР, поэтому ограничимся указанием на некоторые тенденции в лагере «левых», так как «чунцинскую модель» большинство наблюдателей связывают именно с этой частью идейно-политического спектра. Левые в китайской политике новейшего времени были всегда, более того, периодически левые взгляды и идеи выходили на первый план в качестве главной угрозы курсу реформ. Так было и на заре рыночных преобразований на рубеже 1970-х — 1980-х гг., и после трагедии 1989 г., и, видимо, сейчас. Но наиболее значимым явлением нулевых годов был подъем движения «новых левых» — новой интеллектуальной силы на идейно-политическом горизонте современного Китая. Как таковое это течение возникло в среде интеллектуалов, выступавших с критикой некоторых аспектов глобализации, и того влияния, которое она оказывает на Китай. Вероятно, одним из главных отправных пунктов течения была группа авторов, постоянно связанная с журналом *Душу*. Считается, что термин «новые левые» был придуман их оппонентами где-то в конце 1990-х гг. и отражал неодобрительное и отчасти презрительное отношение китайских либералов к новоявленным «противникам реформ»². В то время как для 90-х гг. более характерными были споры в довольно узком кругу ученых и интеллектуалов, уже в новом веке, благодаря современным коммуникационным технологиям, а также появлению коммерческой прессы в КНР, полемика выходит на новый уровень. Особенность нынешнего этапа состоит в том, что идеи, отстаивавшиеся новыми левыми, сейчас накладываются на широко распространенные чувства беспокойства и социального недовольства в связи с экономической и социальной неопределенностью.

Если для так называемых левых радикалов можно сказать что («старые левые» — это синоним «маоистов» при очевидной многозначности этого термина) характерны взгляды, отрицающие «реформы и открытость» Дэн Сяопина и усматривающие общественный идеал в возвращении ко временам Мао Цзэдуна, то для «новых левых» рыночные реформы и либерализация общественной жизни не представляются правильным направлением. Они критикуют современную ситуацию с позиции, напоминающей западных антиглобалистов. И это не случайно. Значительную часть ученых, принадлежащих к течению «новых левых», составляют люди, вернувшиеся в Китай после учебы или длительной работы в ведущих западных университетах. «Новые левые» состоят из нескольких групп интеллектуалов, и среди них тоже есть различные течения — от идей, близких европейской социал-демократии, к постмодернистам, антиглобалистам и, наконец, националистам. Среди «знаковых» фигур этого движения часто называют, например, таких интеллектуалов среднего и молодого поколения, как Цзо Дапэй (сотрудник АОН КНР), Цуй Чжюань (профессор университета Цинхуа), Ван Шаогуан (профессор Китайского университета Гонконга), Гань Ян (Гонконгский университет), Лан Сяньпин (известный экономист и автор популярных телепередач по экономическим проблемам), Вэнь Тецзюнь (профессор Народного университета). Наиболее широко известным представителем течения считается философ и культуролог Ван Хуэй³. По мне-

нию ряда авторов, к «новым левым» можно причислить и целый ряд экономистов так называемого «неортодоксального направления», выступающих с позиций экономического национализма. Отметим, что разделение левого лагеря на «старых» и «новых левых» довольно условно. Так как в действительности разделение левого лагеря еще более дробное, ряд авторов выделяют также течение левых консерваторов, сторонников статус-кво и т.д. Да и термин «новые левые» вызывает сомнение у ряда сторонников этого течения. С ним, в частности, не согласен Ван Хуэй, по мнению ряда наблюдателей, наиболее влиятельная фигура этой группы.

Одновременно с развитием Интернета в Китае происходило становление совершенно особой цифровой политической культуры. Отражением политизации китайского виртуального пространства и поляризации идейных позиций стало появление массового обсуждения значимых проблем внутренней и внешней политики пользователями на разного рода форумах, дискуссионных площадках ведущих информационных порталов, в социальных сетях. Интернет и социальные сети позволили на порядок расширить пространство допустимого при обсуждении политических острых проблем, несмотря на многогласную систему фабрикации «направляемого» общественного мнения и контроля за комментариями по политически чувствительным вопросам. Беспрецедентное развитие сетевой информационной культуры заставило даже некоторых политологов предположить, что Интернет стал главным двигателем демократизации общественно-политической жизни в стране. Цифровая политическая культура породила особый способ публичной полемики, особый язык, особую стилистику. Все многочисленные современные жаргонизмы и интернет-мемы типа «так называемые элиты», «китайцы-предатели», «партия пяти гривенников», «общество речного краба», «патриодатели», и т.д. были порождением этой культуры. Виртуальное пространство еще больше запутало картину идейного соперничества и противоборства, новые технологии сделали доступными новые каналы выражения мнений и коммуникации, но, как жалуются некоторые эксперты, помимо очевидного плюса в виде доступности информации, с развитием цифровой культуры понимание сложных проблем общественного развития не всегда становится более глубоким.

Совершенно новым явлением для Китая стало появление достаточно мощных независимых информационных ресурсов, среди которых в качестве наиболее влиятельных флагманов левого и правого лагерей можно назвать порталы «Утопия» и «Выборы и управление в Китае». Конечно, помимо этих двух электронных СМИ, с той и с другой стороны существует много других достаточно влиятельных изданий и сайтов, включая, например, журнал «Яньхуан чуньцю» и издательскую группу «Наньфан», базирующуюся в Гуанчжоу. Но именно эти два портала (сайта), — «Утопия» и «Выборы в Китае», — появившиеся почти одновременно в эпоху Ху и Вэня, обращают на себя внимание как наиболее важные информационно-идеологические инструменты соответствующих лагерей.

«Утопия» была создана в 2003 г. Ею владела Пекинская компания по коммуникациям в сфере культуры, основателями которой выступили Фань Цзиньган, Хань Дэцян и др. Большинство описаний сходится на том, что в 2003 г. профессор Пекинского аэрокосмического университета Хань Дэцян вместе с группой студентов выступили инициаторами создания виртуального салона левопатриотической направленности. Активное участие приняли Ян Фань, Цзо Дапэй, Гао Лян и др. Основателями сайта «Утопия» позиционировалась как «площадка для обсуждения актуальных проблем современного Китая с позиций патриотических, социалистических и прогрессивных идей». По сведениям зарубежных СМИ, закулисным покровителем проекта называют известного в 1980-х гг. лидера «старых левых» Дэн Лицюня⁴. Однако так ли это, очень трудно верифицировать. К тому же Дэн Лицюню сейчас уже 98 лет.

Среди постоянных рубрик «Утопии» были статьи и материалы, посвященные критике усилий либералов внутри правительства по дальнейшему открытию экономики

страны зарубежному капиталу, продвижению приватизации госпредприятий, пересмотру истории Китая новейшего времени, выпадов против фигуры Мао, и т.д.

В декабре 2012 г. директор «Утопии» Фань Цзиньган следующим образом обрисовал обстоятельства появления этого информационного ресурса в общественном пространстве современного Китая: «Портал «Утопия» был создан в сентябре 2003 г., и таким образом появилась площадка для патриотической активности широкого круга старых кадровых работников, потомков высокопоставленных руководителей партии и государства, прогрессивных ученых, народных деятелей искусства, представителей народных масс. На этом портале отстаивалось мировоззрение в духе идей Мао Цзэдуна, отстаивались интересы народа и партии в деле защиты социализма, в соблюдении интересов государства и народа, за почти десять лет работы портал превратился в самый влиятельный в Китае красный информационный ресурс. Особенность этого ресурса в том, что нами использовалась ясная и в то же время гибкая стратегия и тактика, осененная знаменем идей Мао Цзэдуна, и в опоре на «четыре основных принципа». Вот почему портал «Утопия» стал духовной отдушиной, питательной средой для миллионов рядовых членов партии и широкий народных масс. Одновременно мы стали костью в горле для всех антикоммунистических, антигосударственных, антикитайских и антинародных сил внутри и за пределами Китая»⁵.

Автору этих строк довелось еще до инцидента с Ван Лицзюнем побывать в книжном магазине «Утопии», находящемся недалеко от главного входа в кампус Народного университета в Пекине. Магазин, занимающий несколько небольших комнат на шестом этаже неприметного здания, не имеет снаружи и даже внутри подъезда никаких табличек, вывесок и других опознавательных знаков. Более того, по сведениям журналистов, магазину неоднократно приходилось менять свою дислокацию из-за преследований со стороны «темных сил». Тем не менее, в разговорах с сотрудниками магазина они категорически отрицали наличие каких-либо противоречий с властями, указывая, что не являются оппозиционной организацией. В самом магазине практически не было покупателей, в углу за компьютером дремал сотрудник. Выбор книг на полках отражал направленность салона, но присутствовали и обычные книги по гуманитарным наукам. Узнав, что я из России, сотрудник несколько оживился и со знанием дела стал рекомендовать наиболее репрезентативные для левого направления книги. В целом какой-то атмосферы оппозиционного подполья заметно не было. Таким образом, сама практика существования де-факто оппозиционного издания являлась результатом своеобразного переходного состояния китайского общества, в котором многие вещи существуют в силу неопределенностей, недосказанности, неясных границ того, что дозволено, а что нет.

Своего рода апофеозом этой атмосферы идейного брожения в условиях неопределенности и недосказанности была выдвигавшаяся некоторыми китайскими авторами в 2011 г. идея, о таком возможном пути эволюции китайской политической системы, когда внутри КПК открыто конституируются несколько идейных платформ, в частности левоцентристская и правоцентристская. Назывались даже фамилии Бо Силая и Вэнь Цзябао как потенциальных лидеров соответствующих крыльев. По иронии обстоятельств судьба столкнула этих двух персонажей в 2012 г. в ходе драматического краха Бо Силая и его чунцинской модели.

После того, как начали развиваться события вокруг Ван Лицзюня, и после объявления о снятии с должности Бо Силая сайт «Утопии» был временно закрыт якобы в связи с «ремонтными работами на сервере», но потом снова продолжил свою работу. Начиная с 6 апреля 2012 г. сайт снова был закрыт. В качестве причины властями названы «нарушения Конституции КНР, злонамеренные выпады в адрес руководителей страны, клеветнические материалы в отношении предстоящего XVIII съезда КПК» и т.д. Одновременно с «Утопией» были закрыты еще несколько сайтов левой направленности, например, «*Мао Цзэдун цичжи ван*», «*Миньшэн ван*», «*Си юэ циньянь ван*». Перестал ра-

ботать и наиболее известный сайт праволиберального направления «*Сюаньцзюй юй чжили ван*». Еще до XVIII съезда в июне 2012 г. «Утопия» возобновила работу в тестовом режиме, но в подборе материалов и тональности выступлений стала чувствоваться сильная самоцензура. В настоящее время так называемые «профилактические работы» на сайте закончились, но он пока так и не заработал. При этом работают такие аффилированные с «Утопией» ресурсы, как «База данных статей, опубликованных на портале Утопия»⁶, «Книжный магазин Утопия»⁷, «Ежедневник Утопии»⁸, «Общество красных песен»⁹, «Красный Китай»¹⁰ и многие другие.

Сайт «Выборы и управление в Китае» еще в 2012 г. продолжил свою работу, но базируется теперь на зарубежном сервере и, видимо, фактически не зависит от разрешений китайских властей. К тому же администраторы сайта переименовали старое название в «Политическое развитие Китая» (*чжунго чжэнчжи фачжань ван*).

События, последовавшие после инцидента с Ван Лицзюнем, позволили узнать много новых подробностей, касающихся деятельности «Утопии» и ведущих левых публицистов. В частности, одним из таких эпизодов стало выступление в СМИ с серией интервью профессора Политико-юридического университета Ян Фаня, которое было воспринято рядом наблюдателей как «раскол» в лагере леворадикальных деятелей. Являясь одним из ведущих деятелей «Утопии», Ян Фань был также известен тем, что в 2011 г. вместе с профессором партшколы Чунцинского горкома партии Су Вэем опубликовал книгу «Чунцинская модель», популяризовавшую достижения чунцинского руководства¹¹. Вслед за отстранением Бо Силая от всех должностей Ян Фань поспешил предать широкой гласности свои разногласия с другими руководителями «Утопии», отмежевываясь от так называемых «левых радикалов»¹². Ян Фань, который в юности был соучеником младшего брата Бо Силая Бо Сичэна (в школе для детей кадровых работников)¹³, позиционирует себя как «один из трех основателей» «Утопии» и представитель левоцентристского течения общественной жизни КНР. По его словам, «Утопия» изначально возникла как сайт, отражавший воззрения экономистов «неортодоксального направления», на нем публиковались материалы, содержащие критику глобализации, чрезмерного влияния в стране идей экономистов так называемой неоклассической школы, выступавших за сплошную приватизацию, дерегуляцию и т.д. Завоевав к 2005 г. неплохие позиции в плане влияния на общественное мнение, в том числе на правящий истеблишмент, «Утопия», по словам Ян Фаня, столкнулась с растущим размежеванием в своем внутреннем кругу: начиная с 2006 г. власть на портале все больше стала сосредотачиваться в руках представителей «старых левых» и маоистов. Ян бросает упреки своим соратникам Хань Дэцяну и Фань Цзиньгану в том, что они, держа в своих руках все рычаги управления, не внимали его увещаниям держаться подальше от радикалов. Но основная критика сосредоточена на еще одном деятеле — Чжан Хунляне — человеке, который для Ян Фаня символизирует наиболее негативные аспекты в деятельности портала. Его и людей его круга он описывает как маргинальных интеллигентов, деклассированных в ходе экономических реформ и поэтому находящихся в маоистских и радикальных идеях выход из экзистенциального тупика. Эти люди, по утверждению Ян Фаня, не занимались только научной или публицистической деятельностью. Именно они, фактически захватив данный информационный ресурс, пытались использовать его как платформу для политиканства, фракционной деятельности, открыто призывали способствовать «расколу в высших органах партии». Они навязывали обществу такие ярлыки, как «китаец-предатель», и даже готовили «общественные суды» над такими известными публичными фигурами либерального направления, как Мао Юйши или Синь Цзылин. Лозунг «хватать» китайцев-предателей тоже популяризовался на портале и даже на практике, когда осенью 2012 г. Хань Дэцян публично нанес пощечину одному из пожилых участников антияпонских демонстраций, по причине его критических высказываний в адрес Мао Цзэдуна, посчитав, что он — «китаец-предатель». На базе салона «Утопия» готовились массовые

мероприятия с политической повесткой дня. Наконец, Ян Фань без обиняков пишет о том, что начиная с 2011 г. пекинские маоисты и левые радикалы стали напрямую получать финансирование от чунцинских властей¹⁴. Впрочем, никаких доказательств финансирования Бо Силаем левых в Пекине, а также в других крупных городах КНР, Ян Фань не привел.

Ян Фаня его бывшие соратники, конечно же, сразу обвинили в политической рептильности, оппортунизме и т.д., однако в пользу Ян Фаня стоит заметить, что еще до краха чунцинского руководства он выступал в печати с предложениями Чунцину скорректировать политическую линию в пользу более умеренных позиций: деидеологизировать работу властей региона, перестать «петь красные песни» и более четко позиционировать «чунцинскую модель» как местный вариант общеитайской политики центральных властей¹⁵.

Чунцинский инцидент весны 2012 г. был, безусловно, сильнейшим ударом по лагерю левых в Китае. Неслучайно упомянутый выше У Цзинлянь отмечает уникальную и благоприятную для реформаторов обстановку в стране после развенчания Бо Силая.

Однако насколько «левым» был Бо Силай? Мог ли искренне верить в социализм человек, отправивший сына учиться в Англию? Одно дело — влияние «чунцинского дела» на положение и позиции левого крыла в партии и в стране. Другое дело — взаимоотношения «левых» с Чунцином в период до чунцинского инцидента. Здесь существует множество утверждений, заявлений и догадок, но разобраться во всем этом не так просто. С одной стороны, ощущавшие все эти годы свою маргинализацию в общественном пространстве Китая сторонники леворадикального течения нашли в фигуре Бо Силая давно ожидаемого харизматического лидера, к тому же обладавшего серьезным административным и финансовым ресурсом. Широко известно, что и «Утопия», и другие левые сайты приложили немало усилий для популяризации Бо Силая и его «чунцинской модели». На страницах «Утопии» неоднократно публиковались призывы (часто в иносказательной форме) назначить Бо новым премьер-министром страны и тем самым радикально изменить направленность экономических реформ.

В выступлениях радикальных левых публицистов постоянно делались намеки на то, что «на предстоящем XVIII съезде произойдут важные перемены», «в стране начнется новая эпоха» и т.д. В этой связи радикальный левый лагерь начал корректировать свои базовые установки — от всесторонней критики линии Дэн Сяопина — к политике *и да и ла* (одновременно и бить и привлекать на свою сторону — атаковать представителей либерального лагеря, т.е. Вэнь Цзябао, и поддерживать представителей, которые могут обеспечить возврат к временам Мао. Таким мог быть только Бо). Это нашло свое выражение в установке из восьми иероглифов: «защищать партию, спасти государство, бороться с империалистами, искоренять предателей».

Каково же было отношение чунцинских властей? Интересно, что еще до выдвижения левыми «курса 8 иероглифов» в Чунцине произошел так называемый «инцидент 15-го октября». 15 октября 2009 г. в «красной столице Китая» Чунцине собрались представители организаций «идейных последователей Мао Цзэдуна» из двадцати с лишним провинций КНР, предполагалось создание новой партии, принятие устава и т.д. Власти разогнали это мероприятие, а четверо организаторов были осуждены и получили тюремные сроки от 5 до 10 лет заключения¹⁶. Этот инцидент, хотя и породил у многих представителей радикального левого лагеря настороженность и недоверие к Бо Силаю, но за неимением других альтернатив это недоверие и настороженность уступили место его вынужденному игнорированию. В августе 2011 г. часть бывших руководителей Сычуани и Чунцина времен «культурной революции» (члены бывших ревкомов) обратились с открытым письмом к Бо Силаю, в котором превозносилась политика *чан хун да хэй* («петь красные песни и бороться с мафиозными структурами»), а также содержалась просьба об оказании помощи в связи с бедственным материальным положением. Эта просьба бы-

ла оставлена без внимания¹⁷. Эти и ряд других инцидентов показывают, что отношения Чунцина и представителей леворадикальных организаций были, мягко говоря, весьма неоднозначными.

И, тем не менее, общественно-политическая поляризация не могла не оказывать влияния. Ян Фань в своем интервью приходит к любопытному выводу: руководство КПК в Чжуннаньхае, в силу своего нежелания допустить в стране и в партии какой-либо демократизации исподтишка всячески поддерживает левых и правых радикалов, которые по идее должны уравнивать друг друга, но зажимает и подавляет умеренных и центристов¹⁸. В интервью 2011 г. его соавтора по книге «Чунцинская модель» Су Взя также делается вывод о том, что «чунцинская модель» была использована левыми радикалами в своих целях и что «Утопия» тем самым оказала Бо Силаю и чунцинским властям больше вреда, чем пользы, расхваливая на все лады достоинства новой социально-экономической политики в этом регионе¹⁹. Если проследить «чунцинскую модель» от появления самого термина до краха этого явления, можно заметить, что в целом, независимо от того, что представляла из себя реальная действительность в Чунцине, поляризация общественно-политических сил в стране внесла коррективы в восприятие этого феномена, и в итоге «чунцинская модель», помимо фактора борьбы за власть различных группировок в правящей элите, стала в какой-то момент фокусом крайнего напряжения идеологического и организационного противоборства.

Любопытно, что само понятие «чунцинская модель» было придумано журналистами гонконгского журнала «Ячжоу чжоукань» при описании ими в феврале 2009 г. политики чунцинского правительства как интересного эксперимента по противодействию влиянию мирового кризиса на китайскую экономику²⁰. Чунцинская модель, которая описывалась исключительно в экономических категориях, сопоставлялась с другими региональными моделями — гуандунской, южночжэнсуской, вэньчжоуской и т.д. Мэр Чунцина Хуан Цифань использовал для передачи смысла чунцинской политики привлечения крупных инвестиций для создания производств, работающих на внешний рынок, образ «одна голова вовне, одна голова внутри». Термин подхватила пресса и он зажил собственной жизнью. Хотя в период нахождения Бо Силая у власти в Чунцине руководители региона много сделали для популяризации «чунцинской модели», организуя семинары и конференции, приезды высокопоставленных гостей для изучения чунцинского опыта и проч., можно сказать, что постепенно термин «чунцинская модель» усилиями ученых и публицистов левой ориентации, а также их противников, стал ассоциироваться с идеей своеобразной «реставрации» социализма эпохи Мао. Чунцинская модель стала выглядеть как альтернатива политике центральных властей и как политический вызов руководству в Пекине, оказалась в эпицентре нарастающего идейного брожения. Можно сказать, что чунцинские власти заметили эту опасность и попытались дезавуировать риторику о «чунцинской модели». В январе 2012 г. в интервью большой группе журналистов общенациональных СМИ Бо Силай заявил: «мы никогда не пытались создавать какую-то отдельную «модель», мы всего-навсего прилагали все силы для того, чтобы как следует реализовать требования Центрального правительства, сделать жизнь населения как можно лучше»²¹. Как отмечают китайские эксперты, это было последнее зафиксированное упоминание Бо Силаем пресловутой «чунцинской модели». Но к тому времени, судя по всему, спасти ее было уже слишком поздно.

1. У Цзинлянь. Вомэнь ши тичжи нэйдэ, бу сян гэмин [Мы сами находимся внутри системы, мы не хотим революции] // Чжунго циецзя. 2013. № 5. URL: http://www.360doc.com/content/13/0309/10/1934120_270329603.shtml.

2. *Carter L.* A Chinese Alternative? Interpreting the Chinese New Left Politically // China Study Group. 2010. 3 July. URL: <http://chinastudygroup.net/2010/07/a-chinese-alternative-interpreting-the-chinese-new-left-politically/>
3. *Freeman Ch. W.* III, Yuan Wei Jin. China's New Leftists and the China Model Debate after the Financial Crisis // A Report of the CSIS Freeman Chair in China Studies. 2011. July. Center for Strategic and International Studies, Washington, D.C. URL: http://csis.org/files/publication/110728_Freeman_ChinaNewLeftists_Web.pdf.
4. Дэн Лицунь (р. 1915) деятель КПК, неформальный лидер левого течения в руководстве КПК в 1980-е — 1990-е гг., автор работ по теории марксизма и партийного строительства. Занимал должности вице-президента АОН КНР, зам. начальника Канцелярии ЦК КПК, начальника Отдела пропаганды ЦК КПК и др.
5. *Фань Цзиньган.* У ю чжи сян ши чжунго шэхуй дэ чжэннэнлян [«Утопия» — это позитивная сила современного китайского общества. Выступление на организованном порталом Утопия заседании по поводу 119-летия со дня рождения Мао Цзэдуна] // Мао чжуси цзиньнянь тан. 2012. 27 дек. URL: <http://www.mzdsx.net/Article/class1/201212/6045.html>.
6. URL: <http://zlk.wyzzsx.com/>
7. URL: <http://www.wyzzsd.com/>
8. URL: <http://www.wyzzwk.com/daily/>
9. URL: <http://www.szhgh.com/html/index.html>.
10. URL: <http://redchinacn.org/portal.php>.
11. *Су Вэй, Ян Фань, Лю Шивэнь.* Чунцин моши [Чунцинская модель]. Пекин: Чжунго цзинцзи чубаньшэ, 2011.
12. *Ян Фань.* У ю чжи сян ши жухэ цзоу сян цзи цзо дэ? [Как Утопия дошла до левого радикализма? Интервью репортеру еженедельника *Шидай чжоубао* 28 марта 2012 г.] // Бо Силай, Чжоу Юнкан мицзой юй шиба да. Чунцин шибянь хэсинь вэньцзянь, чжэньйсин вэньсянь суй бянь [Загадка Бо Силая, Чжоу Юнкана и 18-го съезда КПК. Вторая часть подборки ключевых документов и дискуссионных материалов по Чунцинскому инциденту]. Гонконг: Лаборатория наблюдения за свободой информации, 2012. С. 135–158.
13. *Garnaut J.* The Rise and Fall of the House of Bo. How a murder exposed the cracks in China's leadership, as the princeling sons of revolutionary heroes fight for control of the world's next superpower. Penguin Books (Australia), 2012. P. 65.
14. *Ян Фань.* У ю чжи сян ши жухэ цзоу сян... С. 138.
15. *Ян Фань.* Юн фэй иши синтай фанфа яньцзю чжунго моши юй чунцин моши [С помощью идеологизированных методов анализировать китайскую модель и чунцинскую модель] // Бо Силай, Чжоу Юнкан мицзой юй шиба да. Чунцин шибянь хэсинь вэньцзянь, чжэньйсин вэньсянь суй бянь [Загадка Бо Силая, Чжоу Юнкана и 18-го съезда КПК. Вторая часть подборки ключевых документов и дискуссионных материалов по Чунцинскому инциденту]. Гонконг: Лаборатория наблюдения за свободой информации, 2012. С. 217–220.
16. Чунцин даолу цзи ци цюньчжун чжичи [Чунцинский путь и его поддержка снизу] // Довэй синьвэнь ван, 12.03.2013, URL: <http://opinion.dwnews.com/news/2013-03-12/59154681-all.html#page1>.
17. Там же.
18. *Ян Фань.* У ю чжи сян ши жухэ цзоу сян... С. 151.
19. Гуаньфан чжинан вэй чунцин моши бяньху, чэн у ю чжи сян бан дао ман [Официальный аналитический центр выступает в защиту «чунцинской модели», заявляет о том, что портал «Утопия» оказывает медвежью услугу] // Довэй синьвэнь ван, 23.06. 2011. URL: <http://china.dwnews.com/news/2011-06-23/57832044.html>.
20. Ду ши шибао: чунцин моши цзай Бо Ван шицзянь хоу сяошэн ницзи [Сообщает Души шибао: «Чунцинская модель» после инцидента с Бо Силаем и Ван Лицзюнем канула в лету] // Хунгэхуй ван, 27.12. 2012. URL: <http://www.szhgh.com/html/69/n-17869.html>.
21. Там же.